

Писателю, драматургу, киносценаристу,
члену редакционного совета
и Почетному Кавалеру «Вечернего клуба»
Александру Борщоговскому — 85 лет

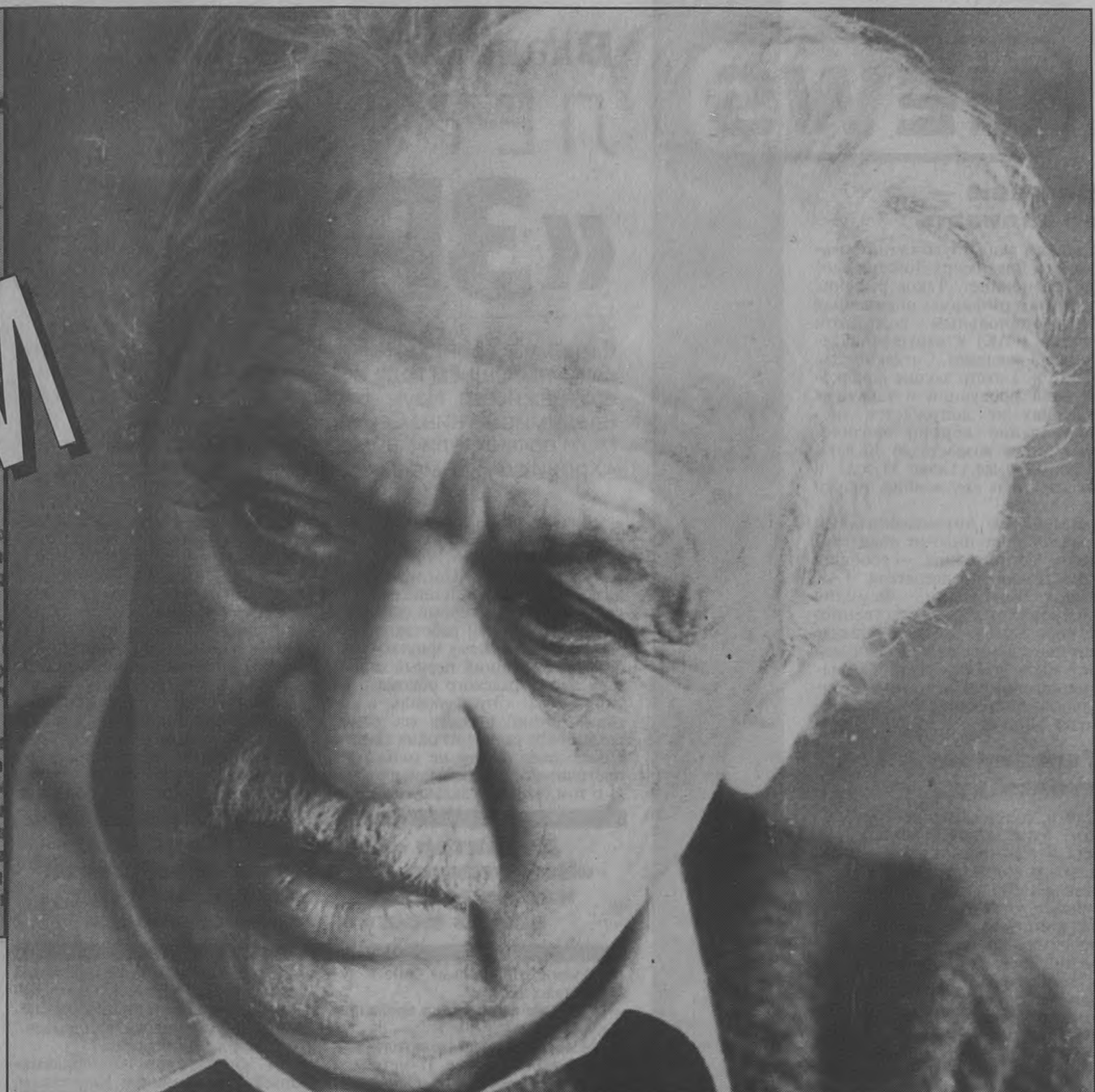
В это трудно поверить. И не только потому, что за последние пять лет он написал три книги и одну пьесу. Когда в нашей редакции отключают лифт — что случается довольно часто, — Александр Михайлович вбегает к нам на пятый этаж, не запыхавшись (а дом, между прочим, до-революционный, где каждый этаж равен двум обычным). Она из его последних автобиографических книг называется «Записки баловня судьбы». Баловень судьбы... Можете, в этом все дело?

— Александр Михайлович, вы решили опубликовать сегодняшнее интервью с вами под рубрикой «Скандалы прошлых лет». Как вы знаете, это была традиционная рубрика. В ней мы сначала вспоминаем какую-то скандальную публикацию прошлых лет, а потом просим ее героя прокомментировать те давние события. На этот раз мы обратились к редакционной статье в «Правде» от 28 января 1949 года. Вы помните эту статью? — Еще бы! «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Она занимала почти всю газетную полоску, что уже само по себе должно было изумить читателей. Можно было подумать, что в голодной, разрушенной послевоенной стране нет более важной заботы, чем обругать театральных критиков. — И одним из героев этой статьи стали вы — «антипатриот и безродный космополит» Борщоговский. Для нас появление статьи было неожиданным? Где вы тогда работали? Я служил завлитом в Театре Красной Армии, у прекрасного режиссера Алексея Дмитриевича Попова, был членом редколлегии журнала «Новый мир». Нет, неожиданности не было. Накануне редактор «Нового мира» Константин Михайлович Симонов привез меня в 2 часа ночи на свою дачу в Переделкине и сказал: «Шура (он меня звал Шурой), сегодня у Маленкова состоится заседание секретариата ЦК ВКП(б), на котором вас должны избрать в редколлегию «Нового мира», сняв с работы в театре и приказав Александру Фалееву и журналисту «Правды» Давиду Заславскому написать разгромную статью в «Правду». Так что я был подготовлен. Но я не мог представить себе, что эта статья лишит меня той роковой судьбы, той трагедии, тех ужасных событий, которые к театральной жизни не будут иметь никакого отношения. — Вы имеете в виду разгромный Сталинский громадный антисемитский кампания конца 40-х — начала 50-х годов? Убийство Михоэлса, арест членов Еврейского антифашистского комитета, «дело врачей»... Это понятно. Но я не могу понять другого: почему «антипатриот» и «безродный космополит» нужно было непременно искать среди театральных критиков? — Искать негде. Искать у биологов среди «вейсманов-морганов», искали в санчасти ЗИСА, где было арестовано более 100 человек, искали среди писателей и книжных редакторов — где только не искали! А тут вдруг выяснилось, что среди театральных критиков очень много евреев. Для Сталина это был просто подарок. — Действительно было много? — Действительно. Так поговаривали с до-революционных времен. А чтобы ни у кого не было сомнений, тут же стали раскрывать псевдонимы. Через два дня газета «Культура и жизнь» сообщила, что настоящая фамилия критика Холодова (он упоминался в правдин-

ской статье) — Меерович. Но, вы знаете, начинать борьбу с «космополитами» среди театральных критиков было, конечно, ошибкой сталинской пропаганды. — Почему? — Слишком далеко они от народа. Ну, скажите, какое дело шахтерам Сибири, или металлургам Урала, или крестьянам Орловщины до каких-то театральных критиков? Ну евреи, ну пишут о театре... Да что с ними! А вот когда «дело врачей», когда они лечат тебя и твоих детей — вот здесь Сталин попал в точку. Лучшей профессией для раздувания антисемитизма нельзя даже представить. Совсем другой общественный резонанс. — Но «дело врачей» будет позже, а пока «дело» театральных критиков... Кстати, Александр Михайлович, как вы стали театральным критиком. Скажите. Вы из театральной семьи? — Нет, я родился в Белой Церкви, где мама работала акusherкой. Она закончила гимназию, была образованным человеком. А вот отец был самоучкой, что не мешало ему заниматься адвокатурой по уголовным делам и быть корреспондентом «Киевской мысли». А я к началу 30-х годов закончил ФЗО... Знаете, что такое ФЗО? — «Забрично-заводное училище». — Да и поехал на Днепроострой. А потом без популы — создал с ребятами в Запорожье ТРАМ — Театр рабочей молодежи. — Артистом хотели стать? — Хотел, но ничего не вышло. Вместо этого уже года через два в ЦК комсомола Украины занимался всеукраинскими ТРАМАми, а в 1936 году создал «Театр» — солидный, хорошо иллюстрированный журнал на украинском языке, был его редактором. Войну встретил на границе, в летнем военном лагере, в составе театра Киевского особого военного округа — я был там зав. литературной частью и секретарем парторганизации. В этот же день театр стал фронтовым. — И вы стали фронтовиком... — Я не любил так говорить о себе. Я в окопе не лежал, на броне не ползал, в атаку не ходил и фронтовиком себя не называл. Я даже в театранскую пенисню долго не оформился, но в конце концов нужда заставила. С фронтовым театром прошел всю войну. — А в Москву когда попали? — В 47-м, когда решением Оргбюро ЦК была создана новая редколлегия «Нового мира», и меня из Киева, где я был редактором украинской газеты «Советское искусство», перевели в Москву. — Александр Михайлович, что изменилось в вашей жизни после публикации статьи в «Правде»? — Вся жизнь изменилась. Во-первых, меня вместе с семьей (жена, двое детей, старуха-мать) выселили на улицу, поскольку квартира была от театра, служебная, а из театра меня уволили. Во-вторых, меня лишили московской прописки, и я скитался по друзьям, стараясь не попадаться на глаза милиции. А все друзья как на трех жилах на так называемых «улицках» уличах (Кирова, Герцена), по которым ездил Сталин, и топтуну там было видимо-невидимо. А самое главное — я остался без работы и пять лет не получал ни одного рубля. — А на какую работу вы были согласны? — На любую. Но требовалось разрешение ЦК. Хотел уехать в сельскую школу преподавать историю или географию. На эту мою просьбу зав. отделом культуры Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — человек по фамилии Голдовченко — сказал так: «Этот Борщоговский хочет, чтобы мы ему доверили воспитание советской детворы! Да у нас скот пасут Герои Социалистического Труда!» Потом меня пригласили в Иркутск — преподавать на курсах культработников. Но опять окрик из ЦК: кого вы приглашаете, он реликварий меньшевистскую газету, у него два брата — власовцы... Но, скажите, разве не бред? Как я мог, родившись в 1913 году, редактировать

меньшевистскую газету? — А братья-власовцы? — Какие братья?! У меня одна сестра. — Скажите честно: было страшно? — Ждал. Но я всегда был фаталистом и оптимистом. — И что же стали делать? На что жить? — Пошел в «Ленинку» и стал писать исторический роман. Писал 11 месяцев. Назвал «Русский флаг». В рукописи его читали Симонов, Сурков, академик Тарле, Варшавский... Было 24 положительных рецензии. Тем не менее роман вышел только после смерти Сталина, летом 1953 года, когда я уже потерял всякую надежду. Первое, что я сделал, получив гонимый, — это отдал долг — те деньги, которые мне в годы скитаний давали друзья. Хотя никто из них о долге, конечно же, не вспоминал. — Кто вам тогда помог? — Константин Симонов — дал 20 тысяч. Из Киева привез деньги Виктор Некрасов, из Харькова — Владимир Добровольский... — Давайте коснемся судеб героев той эпопеической для вас статьи. Что вы сейчас думаете о тех, кого вы тогда критиковали? Корнейчук, Софронюк... — То же, что и тогда. Неоднократные лауреаты Сталинской премии, руководители Союза советских писателей, они уже при жизни считались классиками советской драматургии, такими священными коровами. Это их и погубило. Если и был у них какой-то талант, то он был угрошен неприкосновенностью. С каждым годом они писали все хуже и хуже. Конъюнктурные, лакированные пьесы. — Среди «классиков» в статье упоминается некто Суров. Сегодня это имя мало кому известно. — О, эта фигура легендарная! — Я знаю, вы о нем книгу написали... — Да, она называется «Пустотелый монумент». Дело в том, что этот «классик», получивший Сталинскую премию, чьи семь пьес были во всех театрах страны, на самом деле не написал сам ни одной пьесы. — Как так могло быть? — Могу за него писать другие. Сначала Суров находил соавтора, которого потом отсекал, затем в текст пьесы что-то добавлял один рецензент, другой, третий, потом пьеса отдавалась на редактирование кому-то из известных писателей, ну и т. д. Были и литературные «негры». Например, один из упоминаемых в статье критиков, антипатриот Яков Варшавский. Его тогда, как и всех нас, тоже выгнали с работы. Суров платил ему 3000 рублей в месяц, а он писал за Сурова пьесы, которые ставились во всех театрах и даже получали Сталинскую премию. — А на вас мародеры не слетались? — Был один. Директор крупного московского магазина захотел купить у меня рукопись пьесы «Жена». Предлагал 100 тысяч. Прекрасно помню: пригласил меня в «Националь» и стал уговаривать, чтобы я продал ему авторство. — Тяжело было отказаться? — Очень тяжело. Мне эти деньги тогда вот так были нужны. Кроме того, он предлагал мне жить на его подмосковной даче. Вот в чем было главное искушение — жить-то мне было негде. Естественно, он хотел, чтобы я сидел на его даче и строил для него пьесы. О тех временах я написал в книге «Записки баловня судьбы». — Название книги, как я понимаю, ироничное? — Никакой иронии! Я действительно считал себя баловнем судьбы. Она убергла меня от искушений, от постыдных компромиссов, от малодушия соблазнов. И тем самым помогла мне сохранить себя. А ведь стоило лишь чуть-чуть поддаться... — Кстати, ту самую пьесу вам потом удалось поставить? — «Жену»? Да, она прошла больше трехсот раз. — Итак, писателем вы стали, извините, «благодаря» отлучению вас от

критики? — Лучше сказать по-другому: вопреки Маленкову. — А что Маленков? Он ведь был тогда секретарем ЦК... — Да, и именно он изрек приговор: «На пушечный выстрел не подпускать к святому делу советской литературы и советской печати». — Тем не менее вы ослушались и с тех пор много чего написали. Пойдем по жарнам. Романы? — «Русский флаг», «Млечный путь», «Восстань из тьмы», «Портрет по памяти», «Где поселится кузнечик»... — Повести? — Ну повести, рассказы, пьесы — их было много, как и киносценариев. У меня 12 фильмов. — Какие самые любимые? — Наверное, «Третий тайм» (он вышел в 60-х годах — о мате футболистов «Динамо» в оккупированном Киеве), «Три топика на Плющихе», «В каком жанре вы лучше всего работаете, Александр Михайлович?» — В каждом возрасте — по-своему. От 40 до 60 лет — это возраст прозы. Сегодня — возраст мемуаров. После «Записок баловня судьбы» были написаны «Обвинения кровью» (об убийстве Михоэлса), «Пустотелый монумент», совсем недавно закончил книгу «Французский тур». — Ваши любимые писатели? — Чехов и Бунин. Хотя Бунин как человек мне не очень симпатичен. — А как вы относитесь к советской литературе? — Не понимаю тех, кто сегодня хочет ее перевернуть. Многие в ней по-настоящему еще не прочитано и не понято. Домбровский, Амслевский, Юрий Трифонов... разве они оценены и поняты до конца? Вampiлов еще по-настоящему не сыгран! Из книг последних лет мне нравятся «Проклятия и убиты» Астафьева, «Андерграунд» Маканина. — А из молодых? — С удовольствием читаю в «Знамени» и «Новом мире» превосходные рассказы Андрея Волося. — Александр Михайлович, вы человек театральный... — Сейчас уже нет. Была в театре редко. Но виноват в этом, разумеется, не театр, а я. — Поэтому оценивать современный театр не будем? — Не будем. Скажу только, что в русском и в советском театре всегда были прекрасные, великие актеры. Возьмите Смоктуновского, Леонова, Олега Борисова... Это же актеры мирового уровня. Другое дело, что раньше театр был занятием в плохую драматургию. Немыслимо плохую! Режиссер был лишен даже настоящего выбора пьесы. Вы поставили Шекспира? Прекрасно! Но в следующий раз вы поставите его лет через пять. Раньше — нельзя: нужен современный репертуар. Вот и ставили бездарного Софронюка. — Александр Михайлович, вы встречали на своем пути массу интересных, незаурядных людей. Кто произвел на вас самое большое впечатление? — Пожалуй, Константин Георгиевич Паустовский. Для меня он — эталон интеллигентности, пример естественного слияния личности и литературы. Он один из тех, кто спас великую русскую литературу, ее авторитет. Я проверял на иностранцах для них Паустовский — это то, что придает ей советской России, с нашей трагичной, но потрясающей и героической историей, прекрасными людьми, великим русским языком. — А кого из теперешних политиков вы жалуете? — Мне кажется, на Лужкова надеяться можно. — А на Примакова? — Ну что вы! Милый, добрый человек... Но нет, нет! А вообще я не очень понимаю нынешний всеобщий пессимизм. Самое худшее, поверьте, позади. Хуже того, что было когда-то, быть уже не может. Встречался Николай МИХАЙЛОВ

ПРАВДА 28 ЯНВАРЯ 1949 ГОДА

ОБ ОДНОЙ АНТИПАТРИОТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ КРИТИКОВ

(Выдержки из редакционной статьи)

В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазной эстетики, которая проникает в нашу печать и наиболее орудует на страницах журнала «Театр» и газеты «Советское искусство». Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма; они мешают развитию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости.

Особенно уютно чувствовали себя такого рода критики в затхлой атмосфере объединения театральных критиков при ВТО — Всесоюзном театральном обществе (председателем бюро объединения был Г. Бояжнев), комиссии Союза писателей по драматургии (ше председателем выступал А. Крон). Там во всей неприглядности выворачивается изнанка тех, кто в иных местах выступает маскируясь, скрывая нередко порочное содержание своих высказываний за наукообразными заумными, заумным языком, нарочитыми выкрутасами, потребными лишь для того, чтобы затенить существо дела. Именно там театральный критик А. Борщоговский, умалчивая о произведениях, извращающих советскую действительность и образы советских людей, весь пыл своей антипатриотической критики направил на пьесу А. Софронюка «Московский характер» и на Малый театр, поставивший эту пьесу. Тот же А. Борщоговский, который в свое время пытался опорочить пьесу «В степях Украины» А. Корнейчука, возманился ныне ошельмовать такие произведения, как «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «Большая судьба» А. Сурова и др.

Этой же, с позволения сказать, «работой» занимаются А. Гурвич, Ю. Юзовский и другие. Их пустой, раздутый «авторитет» до сих пор еще не разоблачен по-настоящему. Порочные взгляды критиков Борщоговского, Гурвича, Юзовского, Варшавского, Бояжнева, стоящих на позициях антипатриотических, питают всякого рода чуждые народу извращения в деятельности ряда критиков. Что стоит такое извращенное высказывание А. Борщоговского на совещании о новых пьесах и присоединился к его злопыхательским выпадам против линии Малого театра на постановку современных патриотических пьес.

Несколько лидеров этой группировки оказались в затхлых комиссиях ВТО. Здесь они, собрав вокруг себя приятелей, стали создавать фальсифицированное «общественное мнение» против новых советских пьес, фактически — против советского репертуара вообще.

Именно так критик Л. Малогин ополчился против таких глубоко патриотических произведений, заслуживших широкое признание народа, как «Великая сила» Б. Ромашова, «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «В одном городе» А. Софронюка.

На совещании в ВТО критик Е. Холодов вел атаки против пьес «В одном городе» и «Хлеб наш насущный». Шпиль и злобства, пытаясь создать некое литературное подполье, они охаживали все лучшее, что появилось в советской драматургии.

Перед нами не случайные отдельные ошибки, а система антипатриотических взглядов, наносивших ущерб развитию нашей литературы и искусства, система, которая должна быть разгромлена. Не случайно безродные космополиты подвергают атакам искусство Художественного театра и Малого театра — нашей национальной гордости.

На происходившем недавно пленуме правления Союза советских писателей было положено начало разоблачению и разгрому этой антипатриотической группы критиков. Надо решительно и раз и навсегда покончить с либеральным попустительством всем этим эстетствующим ничтожеством, лишенным здорового чувства любви к Родине и народу, не имеющим за душой ничего, кроме злопыхательства и раздутого самонадеянности. Надо очистить атмосферу искусства от антипатриотических обывателей.

Александр Борщоговский (слева) с писателем Леонидом Первомайским. 1941 год.